

Серебряный ГОЛОД

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Серебряный голод

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Серебряный голод / А. Сунгурский — «Автор», 2026

На Земле его сплав — промышленный брак. В чужом мире — еда, за которую платят огромные деньги. Metallург Кирилл Боровиков видит шанс разбогатеть. Наследственные пищевые дома видят в нём угрозу. Вместе с инопланетным торговцем Тэсом и инженером Майей он берётся построить независимый завод — и вступает в борьбу за сырьё, мощь и право добраться до покупателя. Ему предстоят чужие миры, опасный рейс и сделки, в которых помощь легко оборачивается зависимостью. Но самое трудное — договориться с теми, кто строит завод рядом с ним. У партнёров свои деньги, свои мечты и право уйти. А Кириллу уже мало первой удачи. Чужой голод принёс ему прибыль. Куда заведёт собственный?

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лом со светлой кромкой	5
Глава 2. Пробная порция	9
Глава 3. Стоимость килограмма	13
Глава 4. Чужая столовая	18
Глава 5. Деньги возвращаются	23
Глава 6. Вторая плавка	27
Глава 7. Пломбы на шлюзе	31
Глава 8. Тёплый песок	35
Глава 9. Чужой счёт	39
Глава 10. Внутренняя сторона	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

А.М. Сунгурский

Серебряный голод

Глава 1. Лом со светлой кромкой

Пришелец попросил завернуть ему отходы.

Кирилл Боровиков услышал это из-за спины и решил, что переводчик опять выбрал самое короткое значение. За три дня выставки ему уже предлагали продать совесть, уступить половину тела и очистить перед собеседником семейную поверхность. В первых двух случаях речь шла о лицензии, в третьем — о свободном столе. Он повернулся, держа одной рукой края тяжёлого листа, который пытался уложить в ящик.

Арран стоял у светлой кромки стенда. Четыре короткие ноги держали широкое туловище чуть выше человеческого пояса; над спиной был закреплён прозрачный дыхательный воротник. Одну из двух длинных хватательных рук гость поднял к образцу, но не касался его. Боковые глаза следили за Кириллом, передняя тёмная пара оставалась направлена на металл.

— Это не отходы, — сказал Кирилл. — Это демонстрационный материал.

Из соседнего прохода отозвалась Майя:

— Вчера ты называл его дорогим мусором.

— Вчера выставка ещё работала.

— Она и сейчас работает. Ещё семь минут.

Кирилл поставил лист ребром в ящик. По тонкой кромке прошла светлая полоска, а потом лист треснул у самой опоры. Отломившийся угол звякнул о бетонный пол. Кирилл закрыл глаза; когда он открыл их, пришелец уже присел, подогнув две задние ноги. Хватательная рука остановилась над осколком.

— Можно поднять?

Переводчик у его воротника говорил мягким баритоном. Кирилл давно заметил, что дешёвые человеческие переводчики придавали всем арранам голоса старших диспетчеров, тогда как собственные аппараты гостей любили низкие, почти певучие фразы. Сам арран произносил нечто негромкое, с коротким сухим щёлканьем.

— В перчатке. Край острый.

На длинных пальцах сомкнулась гибкая оболочка. Пришелец поднял уголок, повертел его перед нижними глазами и приблизил к воротнику. Воротник едва заметно посветлел.

— Он у вас окрашен?

— Нет.

— Снаружи обработан?

— Шлифовали одну сторону. Для стенда.

— Внутри такой же?

— Внутри, к сожалению, хуже.

Кирилл взял второй образец и показал излом. По серой поверхности расходились тонкие серебристые перья. На маленьких пластинках они выглядели красиво; в большой детали становились началом беды. Сплав держал температуру, хорошо сопротивлялся среде, но не хотел прощать удар. Двенадцать недель печного времени, оплаченное сырьё, две пачки сменных датчиков и разговор с заказчиком, который сперва вежливо слушал объяснение, а потом спросил, зачем ему корабельный кронштейн, ломающийся от собственного веса.

По совету знакомого Кирилл привёз неудачу на выставку малых производств. Рядом люди показывали готовые насосы, печные модули и новые облицовочные панели; он показы-

вал, на что ещё стоит потратить деньги. За три дня нашёлся один возможный заказ на защитные вставки. Заказчик сфотографировал вставку рядом со своей ладонью и обещал подумать.

Пришелец не фотографировал. Он извлёк из кармана у дыхательного воротника плоский прибор, снял с него две крышки и положил между ними осколок. Половина образца осталась снаружи. На обращённой к гостю стороне прибора возникло мерцание.

Майя подошла ближе, вытирая ладони салфеткой. Последний посетитель соседнего стенда сумел застрять пальцем в демонстрационном зажиме; она полчаса объясняла ему, что сначала нужно раскрыть зажим, а потом отдёргивать руку. Теперь на её рукаве осталось пятно от чужого охлаждающего геля.

— На что смотрите? — спросила она.

— На возможность.

— Прибор что измеряет?

Арран повернул аппарат так, чтобы Майя могла видеть шкалу.

— Состав примеси. Несколько признаков внутренней границы. Больше он не умеет.

Меня зовут Тэс.

Кирилл назвал. Майя тоже, но глаз от шкалы не отвела.

— Вы материалы покупаете?

— Иногда.

— Для чего вам именно эта граница?

Тэс поднял переднюю часть тела. Пока он сидел, на земле лежали концы двух страховочных ремней; теперь они втянулись в воротник.

— Сначала мне нужно знать, продаёте ли вы её.

Кирилл покосился на Майю. Та стояла совершенно спокойно, и он понял: она тоже почувствовала, что у разговора появился другой вес.

— Образец продам. За большой заказ нужно отдельно считать.

— Сколько здесь материала?

— В ящиках? Сто тридцать два килограмма. Вместе с кусками, которые мы ещё не успели сломать.

— Весь принадлежит вам?

— Нашей компании. У меня право продажи.

— Тогда я хотел бы купить восемь килограммов. Из разных мест партии. И получить сведения о производстве. Не все, — добавил Тэс после короткой паузы. — Столько, сколько нужно для первой проверки.

Где-то за перегородкой запустили тележку. Она ударилась колесом о порог, и по стенду пробежала мелкая дрожь. Тэс сразу накрыл ладонью прибор.

Кирилл назвал цену восьми килограммов опытного материала: сырьё, работа, небольшая прибавка, чтобы не чувствовать себя на распродаже. Сам уже знал, что согласился бы и на половину. Арран провёл пальцами по своему аппарату.

— Хорошо. Расчёт в земных единицах?

— Да.

— Нужен ваш торговый адрес.

Майя слегка коснулась локтя Кирилла. Он вытащил визитную пластину, прижал к считывателю гостя и только потом спросил:

— А для чего всё-таки проверка?

Тэс поднял осколок. Из-под его пальцев торчала светлая тонкая кромка.

— Возможно, это можно есть.

На соседнем стенде раздался смех. Человек, освобождённый из зажима, вернулся за своей сумкой и теперь показывал красный палец товарищу. Кирилл посмотрел на собственную ладонь, на несколько старых следов от такой же кромки.

— Кому?

— Мне. Но я ещё не знаю, можно ли.

* * *

К вечеру ящик с восемью килограммами стоял отдельно, а остальные Кирилл велел отвезти обратно в мастерскую.

Он дважды проверил поступление денег, хотя первая проверка показала всё, что могла показать вторая. В описании платежа значилось: «Материал для независимого исследования. Пищевое назначение не установлено». За свою жизнь он продал сотни деталей, и ещё никогда его так не радовало слово «не» в счёте.

Майя сидела на краю погрузочной площадки. Куртку она подложила под себя; в пальцах держала бумажный стакан. Чёрная рабочая одежда делала её тоньше, чем она казалась в цехе, однако усталые плечи были развёрнуты по-прежнему упрямо. Кирилл познакомился с ней три месяца назад, когда приборы на их небольшой печи начали показывать невозможные скорости охлаждения. Она приехала по короткому договору, нашла неисправное соединение и в конце дня заставила их переставить шкаф управления, хотя за это ей уже не платили.

— Ты считаешь, нас разыграли? — спросил он.

— Деньги настоящие.

— Это я заметил.

— Тогда пока очень дорогой розыгрыш.

Внизу погрузчик принимал последний контейнер. Свет в выставочном зале гасили по секциям; за стеклом становились видны только стойки, на которых остались включённые экраны. Кирилл присел рядом с Майей, но холодный бетон сразу проступил через брюки, и он встал.

— Почему мы тридцать семь лет с ними торгуем, а про такое никто не слышал?

— Я про их насосы кое-что слышала. Про еду — ничего. Погоди, он ещё не уехал.

— Я тебя спрашиваю.

— Ну так я не знаю.

Она допила кофе и смяла стакан. На дне бумага промокла, оставив у неё на пальцах коричневый след.

Тэс вышел из служебного коридора вместе с женщиной в жилете погрузочной службы. Женщина несла накладную, Тэс — лёгкий футляр с образцами. За ними ехала платформа с купленным ящиком. Воротник гостя был темнее прежнего, по его нижнему краю медленно двигалась мутная полоска.

— Вы устали? — спросила Майя.

— Здесь сухо. Я возвращаюсь в свой воздух.

Кирилл посмотрел на футляр.

— Образцы уже проверите сегодня?

— Сегодня их примет лаборатория. Потом вам ответят.

— Я бы хотел присутствовать.

Тэс остановился. Платформа тоже остановилась, и женщина с накладной отошла к воротам, оставив их втроём.

— Вы продаёте восемь килограммов, Кирилл Боровиков. В договоре нет вашего присутствия.

— Можно добавить.

— Мне это зачем?

— Если материал годится, вы захотите ещё. Я должен понимать, что вы от меня потребуете.

— Тогда я пришлю требования.

Кирилл почувствовал, как у него начинает гореть шея. За этот день он слишком часто представлял, что будет после ответа, и теперь простой отказ казался попыткой отобрать уже принадлежавшее ему будущее. Арран купил восемь килограммов лома. Можно было поблагодарить и уехать. На счёте хватало денег, чтобы закрыть аренду и рассчитаться за лишнее печное время.

— Вы узнаете требования, — сказала Майя, — а мы узнаем, что ваши люди называют одинаковой партией. Это разные вещи. У нас весь металл в ящике из одной плавки, но края образцов охлаждались быстрее середины. Если вы выберете удачные куски, а потом попросите пятьсот килограммов таких же, Кирилл вам пообещает. И мы долго будем искать, что именно он пообещал.

— Я не собираюсь обещать вслепую.

— Ты уже спросил, какой будет большой заказ.

Тэс перевёл передние глаза с неё на Кирилла.

— Вы вдвоём производите этот материал?

— Кирилл производит, — ответила Майя. — Я иногда помогаю выяснить, что получилось.

Несколько секунд Тэс молчал. За воротами завёлся фургон. Женщина из погрузочной службы постучала краем накладной по ладони, но не позвала.

— Лаборатория принимает людей, — сказал арран. — Через отдельный воздух. Ваши расходы — ваши. И исследование не становится вашим от того, что вы стоите рядом.

— Когда?

— Завтра. В Санкт-Петербурге.

Кирилл уже потянулся за телефоном.

— Я поеду, — сказала Майя. — На один день. Дальше у меня наладка в Рыбинске.

Он не успел предложить ей остаться. Это почему-то помогло: поездка сразу стала настоящим событием, для которого нужно купить два билета, а не бесконечным пространством, где можно было разбогатеть ещё до ужина.

Тэс развернулся к воротам, и Кирилл заметил на его нижней передней поверхности маленькую закрытую створку. Во время разговора она несколько раз приоткрывалась, показывая тёмный влажный край. Ещё утром он принял бы это за часть дыхательного устройства.

— Тэс!

Арран оглянулся, повернув верхнюю часть тела, но оставив ноги на месте.

— Если окажется, что это еда, сколько её нужно?

— На одного?

— Для начала.

— Граммы. Иногда десятки граммов. Смотря кому и что именно получилось.

Кирилл посмотрел на тяжёлый ящик. Когда они укладывали его, двум рабочим пришлось поднимать один край.

— А сколько тех, кому нужно?

Переводчик заговорил не сразу. Тэс снял ладонь с футляра и чуть шире расставил передние опоры.

— Для такого вопроса, — сказал он, — восьми килограммов вам будет мало.

Глава 2. Пробная порция

В лаборатории Кириллу велели оставить образец, который он привёз в кармане.

— У нас здесь уже восемь килограммов, — сказала женщина у приёмного стола.

— Этот из другого места.

— Тогда оформим отдельно. Где он лежал после производства?

Кирилл вынул кусок из мягкой обёртки. В поезде он трижды доставал его посмотреть, хотя освещение в вагоне не могло показать ничего нового. По краю остался след от пальца.

Женщина протянула лоток.

— В другой серии.

Майя, стоявшая сзади, спрятала улыбку в воротник. На ней была куртка, которую он привык видеть брошенной возле станка. Здесь, среди гладких стен и тихо перемещающихся контейнеров, куртка вдруг выглядела почти нарядной.

Через стекло открывался зал с низкими столами. С одной стороны проходили люди, с другой — арраны; посередине стояли закрытые рабочие боксы. Тэс ждал в своём воздухе у длинной стеклянной ниши. Он поднял руку, увидев их, и указал на две человеческие опоры для сидения.

— Я заказал вам целый день доступа, — сказал он. — Не заставляйте меня покупать второй, пока вы спорите с приёмщицей.

Кирилл сел и сразу поднялся, приблизившись к стеклу. На столе внутри бокса лежали три его осколка, но теперь рядом с ними стояли крошечные прозрачные ёмкости. В одной медленно переливалась серая густая жидкость. В другой, прижатый к сетке, дрожал тонкий гребешок живой ткани.

— Это что?

— Моя внутренняя оболочка, — ответил Тэс.

Кирилл оглянулся. Торговец держал все шесть конечностей при себе и выглядел целым.

— Не вся. Часть, которую сняли раньше. Она ещё несколько дней способна работать в среде.

К стеклу подошла арранка в светлой защитной оболочке. На её передних руках были маленькие отдельные манжеты, а между боковыми глазами тянулась потемневшая полоса. В отличие от Тэса она не переставляла ног, прежде чем повернуться, и Кириллу всё время казалось, что она смотрит в сторону от него.

— Вы производитель? — спросила она.

— Да.

— Тогда мне нужны не красивые изломы. Нужны ваши добавки. Все.

Он передал файл, который подготовил ночью. Арранка приняла его через лабораторный стол, и на стекле между ними появились знакомые знаки элементов. Почти сразу одна строка стала жёлтой.

— Следовая добавка для смачивания, — объяснил Кирилл. — Без неё в форме остаются углы.

— В еде углов может не быть.

— Я понимаю. Насколько это плохо?

— Пока не знаю.

Она ушла к боксу, не дожидаясь следующего вопроса. Кирилл посмотрел на Тэса.

— Вы уже покупали такое?

— Нет.

— А она?

— Она проверяла сотни вещей, которые кто-нибудь очень хотел продать мне как пищу.

Он произнёс это с явным удовольствием. Кириллу впервые пришло в голову, что на другом конце торговли не стоят пустые склады, ждущие его открытия. Там уже умеют обманывать, уже платят за чужие неудачи и, вероятно, давно научились смотреть на взволнованных производителей именно таким образом.

Майя сняла куртку, сложила её на свободную опору и попросила вывести увеличенное изображение излома. Ей дали отдельную панель. Некоторое время они сидели рядом молча. Она двигала изображение, сопоставляя внутренние полосы, а Кирилл смотрел на живую ткань.

Сетка приподнималась то одним, то другим краем. Серый гребешок пытался стянуться в кольцо; каждый раз один участок не доходил до другого. Возле края скопились мелкие тёмные точки.

— Это растёт? — спросил он.

— Обновляется, — ответил Тэс. — Раньше быстрее.

— Вы больны?

— Я старше, чем вам кажется.

Кирилл не знал, сколько лет ему кажется. Тридцать семь лет назад на первых записях контакта арраны выглядели примерно так же, и за всю его жизнь на Земле научились различать их одежду быстрее, чем возраст. Рядом с Тэсом работала молодая ассистентка; если бы ему не сказали, он принял бы их за ровесников.

— Это у всех внутри? — спросила Майя.

— У всех, кто дошёл до закрытой оболочки. У молодых иначе.

— И металл нужен этой ткани?

— То, что остаётся после обработки металла. Вы можете есть муку, но я не посоветовал бы вам жевать мельничный камень.

— Муку мы тоже не очень любим без обработки, — сказала Майя.

Тэс чуть развёл передние опоры; его переводчик выдал короткий невнятный звук. Кирилл решил, что это был смех.

* * *

К полудню часть образцов забраковали.

Кирилл потребовал показать номера. Все три пришли из одной кассеты, которую они поставили ближе к охлаждаемой стенке. Сначала он обрадовался: значит, причина была понятной. Затем увидел, что четвёртый образец, из соседнего места той же кассеты, прошёл дальше.

Майя приблизила два изображения.

— Здесь граница разорвана, — сказала она. — А здесь нет.

— Разница в полтора миллиметра.

— Для детали. Для того, что они с этим делают, может быть другая разница.

Арранка вывела на стекло вторую картинку. На ней мелкие подготовленные частицы лежали в углублении живой ткани. В одном боксе они постепенно теряли чёткий край; в другом слиплись в плотный тёмный комок, а ткань отступила от него.

— Вот это будет проходить дальше, — сказала она, указав на первый бокс. — То остаётся для исследования. Сейчас мы не смешиваем результаты.

Кирилл поймал себя на желании назвать долю удачных кусочков. Получалось больше половины. В цехе он сказал бы: есть рабочий выход, можно улучшить. Здесь половина означала, что в одном и том же ящике рядом лежали еда и непонятная неприятность.

— Если отбирать каждый лист?

— Пока придётся отбирать.

— При большой массе это дорого.

Врач посмотрела на него поверх панели.

— Меня тоже часто упрекают, что я дорого обхожусь большим массам.

Она ушла. Майя опустила голову и тихо рассмеялась.

— Не начинай, — сказал Кирилл.

— Я молчу.

— Очень громко.

После обеда Майе пришлось уехать. Она обещала прислать ему таблицу различий по кассетам, когда доберётся до Рыбинска. Кирилл проводил её до человеческого выхода. В переходе пахло нагретой резиной: уборочная машина обрабатывала стык полов, оставляя за собой тёмный след.

— Ты здесь надолго? — спросила она.

— Пока не пойму.

— Печь без тебя кто запустит?

— Не будут пока запускать. Другую работу сделают.

Майя застегнула куртку.

— Если останешься больше трёх дней, позвони им сам. Не через сообщения в общий чат.

Он хотел сказать, что умеет управлять собственным цехом, но она уже достала пропуск, и спорить вслед было бы нелепо. На выходе Майя вдруг обернулась:

— Кирилл, мне правда интересно, что получится. Пришли картинку. Не только счёт.

Он пообещал.

* * *

Первую порцию Тэс получил через девять дней.

Кирилл успел вернуться в Череповец, переставить очередь своих заказов и снова приехать в Санкт-Петербург. За это время лаборатория разобрала большую часть купленного материала. Куски лежали в отдельных кассетах; от некоторых осталась лишь тщательно промытая мелкая крошка. Для живой пробы отобрали совсем немного — меньше, чем Кирилл счищал с края формы за один рабочий вечер.

Тэс пришёл рано. Из его воротника исчез маленький плоский прибор, с которым он стоял у стенда. На освободившемся месте висела прозрачная ёмкость с серым субстратом. Он неспешно переносил её из одной руки в другую, а когда увидел Кирилла, поставил на стол.

— Вы волнуетесь? — спросил Кирилл.

— Я плачу за проверку. Мне положено.

— Можно ведь ещё подождать.

— Можно. Они предложили два срока. Я выбрал короткий после первой серии.

Кирилл посмотрел на врача. Та сверяла исходное состояние Тэса с предыдущими измерениями; на её панели было слишком много обозначений, чтобы он мог понять хоть что-нибудь по одному цвету.

— А если не подойдёт?

— Другой корм у него есть, — ответила она. — И помощь здесь есть. Ваш материал не становится последним выходом только потому, что вы далеко ехали.

Кириллу стало стыдно, но заодно легче. Он почти не спал ночью, представляя пришельца, который поверит ему настолько, что из-за его металла перестанет дышать. В цехе он знал, где проходит граница его ответственности. Здесь граница начиналась с устройства тела, которое он увидел только на экране.

Тэс сел у низкого стола. Ему подали плоскую чашу. На серой основе лежала короткая светлая полоска, не похожая ни на излом, ни на порошок. Тэс дотронулся до неё концом пальца, спросил что-то у врача на своём языке. Переводчик не включился: они говорили в лаборатор-

ном канале. Врач ответила, потом вывела для Кирилла краткую запись: подготовка закончена, участие добровольное, следующая серия измерений назначена.

Тэс приподнял нижнюю переднюю створку. Пищевой желоб оказался широким и блестящим; движение внутренних пластинок было похоже на работу маленькой тихой гребёнки. Он втянул пасту вместе со светлой полоской и закрыл створку.

Кирилл задержал дыхание.

— Не делайте так, — сказал Тэс.

— Как?

— У вас лицо меняет цвет. Мне потом придётся лечить производителя.

Врач отодвинула от него пустую чашу. Следующие полчаса Тэс сидел спокойно, отвечал на её вопросы и иногда переставлял ёмкость со старым кормом. Ничего видимого не произошло. Кирилл с удивлением понял, что ждал света, внезапного прилива сил, хотя бы отчётливой перемены голоса.

На десятом дне после пробы появилась первая разница в измерениях.

К этому времени Кирилл уже ненавидел дорогу между двумя городами и знал по имени человека, который продавал кофе у лабораторного выхода. На этот раз его вызвали к стеклу. Внутренний опорный слой Тэса на изображении имел чуть более ровный край. Кирилл не заметил бы различия без наложенной линии.

— Процесс идёт, — сказала врач. — Пока у одного взрослого. На подготовленном материале этой партии.

Тэс стоял рядом с ней, подняв переднюю руку. Медленно раскрыл пальцы, сомкнул снова.

— Мне легче держать тяжёлое, — сказал он. — Утром я не уронил крышку.

Кирилл не нашёлся, что ответить. Он вдруг вспомнил, как торговец накрыл ладонью прибор при толчке тележки, как бережно переносил футляр. Тогда это показалось ему заботой о дорогой вещи.

— Но вы же покупали старый корм.

— Покупал.

— Почему тогда...

— Потому что я торговец, а не дом.

Врач повернулась к Тэсу. Он немного отступил, давая ей подойти к столу.

— Для ваших следующих пятисот килограммов, — сказала она Кириллу, — понадобится другая серия. Мы можем принять заявку на сравнительные партии. Пищевое применение сразу всей массы я вам не подтверждаю.

— Пятьсот? — переспросил Кирилл.

Он ещё не называл ей этого числа. Его произнесла Майя у ворот выставки. Тэс медленно опустил руку.

— Я подумал, — сказал он, — что с меньшей массой мы слишком долго будем узнавать цену.

Глава 3. Стоимость килограмма

В мастерской стало тесно раньше, чем стало богато.

Кирилл вернулся в Череповец с папкой чужих измерений и обнаружил у печи три насоса, которые обещал отремонтировать ещё до выставки. На одном уже лежала записка: «Владелец звонил четыре раза». У стола стоял Захар, их старший литейщик, и ел яблоко, обкусывая его вокруг сердцевины. Он выслушал рассказ о новом заказе и спросил, когда можно будет освободить подъёмник.

— Тебя интересует только подъёмник?

— Пока под ним чужие насосы — да.

Кирилл снял пальто и сам взялся за ближайший агрегат. Внутри застряла керамическая втулка; он вынимал её, положив корпус на бок, а Захар держал фонарь и доедал яблоко. Так они проработали до обеда. Из околосемного дока пришло сообщение Тэса с предварительным расчётом, но Кирилл прочёл его только тогда, когда насос наконец закрылся без перекося.

Торговец предлагал профинансировать серию небольших плавок и вывезти до пятисот килограммов отобранного материала. Часть денег шла лаборатории. Партия считалась товаром лишь после подтверждения однородности и пищевой обработки. Убыток от отбракованного металла оставался за производителем, транспортный риск — за торговцем. За это Тэс хотел половину будущей чистой прибыли и исключительную продажу сплава в трёх системах.

Кирилл перечитал последнюю строку, потом вызвал его.

Тэс ответил из помещения с мягкой коричневой стеной. Его ноги были скрыты под низким столом. Возле головы плавал отражённый свет, отчего тёмные глаза казались прозрачными.

— Половину я не отдам.

— Тогда платите за транспорт.

— Сколько?

Тэс прислал второй расчёт. Кирилл открыл его и некоторое время молчал. Перевозка пятисот килограммов обходилась дороже, чем плавка двух тонн. Одно место в межзвёздном расписании съедало все деньги, полученные за восемь килограммов, вместе с ещё не заработанной прибылью по насосам.

— У вас же корабль, — сказал он наконец.

— Поэтому я знаю цену.

— Корабль всё равно летит.

— Если он летит с вашим металлом, я не беру чужой груз. Хотите, пришлю, от чего отказываюсь?

— Пришлите.

Тэс прислал. В коротком перечне стояли детали циркуляционных машин, сушёные земные волокна и приборы для чужих связных станций. Пятсот килограммов металла не помещались на свободное место между чужими планами; для них приходилось отодвигать чьи-то уже оплаченные вещи.

Кирилл потёр переносицу.

— Сорок процентов. Без исключительного права.

— Пятьдесят. С правом.

— Тогда я найду другого.

— Найдите. Первый мой платёж лаборатории уже сделан. Его в расчёт с другим не забудьте.

Связь закончилась прежде, чем Кирилл придумал ответ. Он прошёл через мастерскую, задержался возле окна. Во дворе двое работников катили разобранную тележку; одна ось волячилась по мокрому покрытию, оставляя за собой кривой след.

Захар поставил возле него кружку.

— Чай остыл.

— Значит, холодный выпью.

— Я не запрещаю.

Кирилл выпил. Вернулся к экрану, нашёл пять транспортных предложений и отправил запросы. В двух ему ответили сразу: пищевой груз требовал отдельного оформления, а технические условия на него ещё не существовали в торговых справочниках. Третий перевозчик мог взять металл через четыре месяца. Четвёртый предложил вывезти только образцы. От пятого ответа не было до вечера.

Он позвонил Тэсу снова.

— Сорок, — сказал Кирилл. — С твоим правом первой продажи на эту партию. Следующая отдельно. Если берём чужие деньги, оба видим счёт. Проверки оплачиваем до прибыли.

Арран наклонил переднюю часть тела, приблизившись к экрану.

— Вы быстро нашли другого.

— Я нашёл, сколько времени это займёт.

Тэс вернул на экран спорные строки расчёта. Они ещё сорок минут разбирали, что именно останется после вычета расходов. Тэс несколько раз сокращал списки, потом возвращал снятые строки с пояснениями. Кирилл спорил о собственном времени: если он три недели будет стоять у печи, это тоже расход, а не удовольствие богатого человека.

Когда наконец сошлись, Тэс попросил прислать лица тех, кто будет делать металл.

— Зачем?

— Покупатели спросят, существует ли производитель. У вас есть мастерская, но нет пищевой истории.

Кирилл хотел отправить выставочный снимок себя возле стенда. Подумал и сфотографировал Захара, который в этот момент пытался открыть заклинивший шкаф ногой, не выпуская из рук две чистые формы.

— Только не это, — сказал литейщик, увидев камеру.

Для второго снимка он поставил формы, вытер руки и застегнул ворот. Кирилл дождался, пока Захар посмотрит прямо в объектив. Снимок вышел строгим, почти сердитым.

Тэс ответил: «Этот человек, вероятно, существует».

* * *

Майя приехала на четвёртый день серии.

Она вошла в цех, оставив у двери небольшую дорожную сумку, и сразу попросила показать пятую кассету. Кирилл перепутал номера: подал ей четвёртую, которую они уже проверили. Майя поставила её обратно, нашла нужную и повела ногтем вдоль края.

— Здесь ты сократил выдержку.

— На три минуты. Температура уже была нужная.

— Где?

— На датчике.

Она повернулась к Захару.

— Сколько эта форма стояла пустой после промывки?

— С ночи.

— А предыдущая?

— Смена за сменой. Тёплая была.

Майя кивнула и положила перед Кириллом распечатанную полосу. На ней шли две линии, почти одинаковые в начале и заметно расходящиеся ближе к середине.

— В лаборатории не понимают, почему у тебя один образец хороший, соседний хуже. Ты им прислал температуру печи. А металл после печи ещё живёт в форме.

— Я знаю, что он остывает.

— А за сколько он остывает в середине формы? Не у стенки.

Она достала из сумки два тонких измерительных стержня. Одним пришлось пожертвовать: после застывания его уже нельзя было вынуть целым. Захар ворчал, что дорогое оборудование принято хотя бы сначала попробовать не ломать. Майя ответила, что покупать десятую неудачную кассету выйдет ещё дороже, и велела ему самому выбрать место для ввода.

Кирилл смотрел, как они готовят форму. Ему нравилось, что Майя не объясняет Захару каждое движение. Старший литейщик знал, где металл схватится раньше и куда можно поставить опору. Они спорили коротко, иногда вообще без слов: она показывала на одно место, он прикладывал ладонь к другому, и она переносила стержень.

К вечеру у них появилась запись того, чего они прежде не видели. В середине формы металл проходил нужный участок охлаждения слишком медленно, у стенки — слишком быстро. Изменить состав казалось Кириллу простым решением. Майя попросила не трогать сразу две вещи.

— Сначала разделим формы. Узкие, с одним проходом. Металла меньше за раз, зато каждая повторяет другую.

— Мы никогда не закончим пятьсот килограммов.

— Не закончим, если каждую вторую будем разбивать и смотреть, почему она плохая.

Кирилл взял лист, посчитал число заливок, смены, оплату Майе. Новый способ стоил ощутимо дороже. Он показал ей итог.

— Это съест четверть нашего остатка.

— Моего остатка пока нет, — сказала она. — У меня почасовая работа. Можно остановить её сегодня.

— А если дать тебе долю?

— За что?

Он удивился вопросу.

— За это.

Майя обвела рукой формы, потом посмотрела на него.

— Мне предлагают долю только тогда, когда не хотят платить за счёт. Ты сейчас хочешь?

Кирилл опустил глаза на расчёт. Там была честная сумма, которую он сам попросил её назвать. Он мог оплатить пять дней наладки и остаться без денег до продажи или пообещать ей часть будущего, стоившего пока ровно столько, сколько они вместе воображали.

— Пять дней оплачиваю, — сказал он. — Про долю поговорим после продажи.

— После продажи будет другой разговор. Ты уже будешь знать, сколько она стоит.

Он рассмеялся, и Майя наконец улыбнулась.

Работать пришлось в две смены. Кирилл взял ночные: днём ему мешали звонки. Под утро цех становился отдельным маленьким миром, где всё необходимое находилось под рукой и время измерялось светом металла. Он любил это состояние ещё с первой работы, когда после шумной дневной смены оставался помогать старшим и чувствовал себя допущенным в настоящее дело.

В одну из ночей Захар задержался с ним. Встал у соседней формы, согревая ладони над боковой панелью, и спросил:

— Они хоть вкус чувствуют?

— Наверное.

— А если наш невкусный?

— Можно будет продавать как полезный.

Захар хмыкнул, но потом снова посмотрел на кассету.

— Ты не ври им про полезный.

— Не собираюсь.

— Я не про твои бумаги. Ты когда удачу видишь, у тебя всё сразу становится полезным.

Кирилл хотел возразить. Захар уже подводил новую форму под заливку; пришлось помогать.

* * *

В принятую партию вошло четыреста восемьдесят восемь килограммов.

Оставшиеся двенадцать до круглого числа Кирилл сначала предложил добрать из старого выставочного ящика. Майя спросила, готов ли он ещё раз оплатить полную проверку старой партии. Он посмотрел на календарь отправки и вычеркнул двенадцать из расчёта.

Первые малые кассеты отправляли в петербургскую лабораторию, не дожидаясь набора всей массы. Пока цех изготавливал серию, там сравнивали подготовленную из неё пищу с известной арранской основой. Наблюдение шло уже не только у Тэса: в небольших отдельных группах были недавно повзрослевшие, зрелые и старые арраны, с разным исходным состоянием. Новую добавку давали отмеренно, сохраняя привычный рацион; участие можно было прекратить.

После нескольких недель пришло ограниченное заключение. Продажу допускали для перечисленных взрослых состояний и выбранной подготовки, с дальнейшим сопровождением. Часть особых групп оставалась вне допуска. Молодым этой пищей кормить не разрешали. На Ийре предстояли окончательная обработка и проверка каждой кассеты, а не перенос одного удачного результата на весь ящик.

На каждую узкую кассету прикрепили номер. Восемь килограммов, купленные Тэсом первыми, в эту продажу не входили: часть осталась лаборатории, часть была израсходована. Кирилл выслал торговцу окончательную массу и получил короткое: «Лучше точное некруглое».

Груз уехал в Санкт-Петербург утром. Кирилл сел в пассажирский вагон вечером и всю дорогу чувствовал в теле лёгкое покачивание, хотя поезд шёл почти неслышно. Он плохо ел, то и дело открывал копию грузового списка. Четыреста восемьдесят восемь килограммов. Это было меньше одной крупной заводской детали, которую он когда-то видел поднятой краном над цехом. От этой небольшой массы теперь зависела его способность вернуться в собственную мастерскую без стыда перед людьми.

Тэс встретил его в грузовом терминале. Воротник аррана был другим, с широким запасом влажной среды на спине. Он сразу указал на маленький контейнер возле ног Кирилла.

— Что там?

— Мои вещи.

— На сколько?

— Как получится.

— Так не грузят людей. У вас билет на один круг. В нём записан возврат. Если решите остаться, сначала скажете мне.

Кирилл поставил контейнер на платформу. Впервые за все эти недели он задумался, как далеко отсюда окажется мастерская, Захар, влажный череповецкий двор. Между ним и будущей прибылью лежала дорога, на которой его умение отличать металл по излому почти ничего не значило.

Он уже летал в земной орбитальный пояс, много лет назад, в командировку. На чужом корабле не был ни разу.

— Ты возмёшь меня в рубку?

— Когда будет можно, — ответил Тэс. — И если не станете трогать то, что кажется сломанным.

Кирилл поднял контейнер, пристроив его к бедру.

— Ничего не обещаю.

— Тогда будете смотреть через стекло.

Тэс пошёл впереди. Его четыре ноги переступали быстро, почти без звука. Кирилл поспешил следом, стараясь не оглядываться на окна терминала. За ними оставалась Земля — пока ещё достаточно близкая, чтобы можно было передумать.

Глава 4. Чужая столовая

«Промежуток» пах тёплым камнем.

Кирилл искал источник запаха первые два дня. Его каюта имела собственный воздух, узкую постель и две ручки, за которые удобно было держаться при смене тяги. Из общего коридора никакой камень пахнуть сюда не мог. На третий день механик показал ему белый брусок внутри человеческого увлажнителя. Брусок продавался как «среда привычного жилища» и медленно отдавал в воздух смесь запахов, которую кто-то счёл подходящей людям.

Кирилл вытащил его, положил в герметичный пакет и сразу почувствовал себя лучше.

Механик наблюдал с порога. Его переводчик едва умещался в ременной петле, а голос был женским, отрывистым и слишком громким.

— Не нравится дом?

— Не мой дом.

Механик передал это Тэсу. К вечеру торговец прислал ему перечень доступных запахов. Кирилл выбрал пустую строку, но сохранил весь список: там были «городская высота после дождя», «хлебный отдых», «северное дерево» и почему-то «надёжная машина». Последнее он переслал Майе.

Она ответила через корабельный ретранслятор только на следующей остановке: «Надёжная машина не пахнет». Потом пришла фотография новой формы, которую Захар повредил при разборке. Подпись гласила: «А эта пахнет твоими деньгами».

Кирилл попытался вызвать её сразу. Экран предложил записать ответ и показал следующее доступное сквозное окно. Стационарные узлы складывания держали короткие информационные сеансы между связанными торговыми центрами; корабль мог присоединиться к ним только в зоне узла. В пути записи ждали следующей остановки. До небольших мест, не вошедших в сквозную цепь, их по-прежнему доставляли связные суда.

Он дождался окна. Майя появилась с заметной задержкой, успела сказать, что у неё рабочая смена, и снова пропала за чужим запросом. Короткий разговор растянулся на четверть часа с паузами и обрывом в конце. Кирилл потом ещё несколько минут смотрел на стоимость сеанса, прежде чем понял, почему Тэс предпочитал заранее собирать вопросы в одну запись.

Двенадцать дней переходов не были непрерывным провалом сквозь пространство. Корабль долго шёл обычным ходом между доступными точками складывания, вставал в очередь, обменивался проверками. В первые часы каждого нового участка Кирилл ожидал почувствовать движение; потом перестал. Присутствие двухсот метров корабля вокруг него выдавали только редкие толчки и низкая дрожь пола.

Тэс пустил его в рубку на пятом дне.

Кирилл вошёл в переносном дыхательном контуре. Маска прижималась к носу и рту, лёгкий блок висел на груди. Под одеждой на спине липла от пота широкая пластина. Ему дали человеческое кресло, прикреплённое за основным рабочим кругом; остальные члены экипажа стояли или отдыхали на низких мягких опорах.

Впереди не было большого окна. Сведения о пути расходились по нескольким наклонным поверхностям, и только над ними тянулась узкая полоса настоящей темноты. Кирилл долго смотрел туда, ожидая увидеть необыкновенные звёзды. Увидел одну тусклую точку и отражение собственного масочного блока.

— Вы продаёте пассажирам не тот вид, — сказал он.

— Мы не продаём этот, — ответил Тэс. — В общем отсеке есть красивый.

— Ненастоящий?

— С наружного наблюдателя. Красивый настоящий.

Тэс работал одной рукой, второй придерживая край своей пищевой чаши. Кирилл заметил, что пальцы больше не съезжают с гладкого бортика.

— Уже лучше?

— Иногда. Вчера было хуже.

— Врач говорила, что край выравнивается.

— Край выравнивается. Мне от этого не каждый день одинаково легко.

Кирилл отвернулся к узкому окну. На Земле его собственные хорошие дни редко зависели от того, что он успел купить себе поесть. От этого простая фраза аррана казалась трудной, хотя трудного слова в ней не было.

Один из операторов произнёс что-то без перевода. Тэс поставил чашу в крепление. Кирилл замолчал, слушая сухие короткие переключки, и впервые за дорогу увидел торговца за делом, которое тому не требовалось объяснять человеку.

Перед переходом в корабле погасли лишние поверхности. Пол под ногами на несколько секунд потерял привычный наклон. Кирилл почувствовал не движение вперёд, а странное внутреннее желание опереться на грудь; ремни удержали его, и ощущение прошло.

Когда свет вернулся, в узкой полосе окна сияли уже три точки.

Тэс вынул чашу, продолжил есть. Кирилл сидел неподвижно, пока рядом с ним механик не показал, что можно отстегнуть дополнительный ремень.

* * *

Ийр лежал на внутренней стороне огромного докового кольца.

Издалека он выглядел цельной полосой света, но при подходе разделился на сотни отдельных строений, перекинутых через каркас. Между ними ползали грузовые платформы. Наружные объёмы кое-где были тёмными и обледеневшими; внутри, под прозрачной защитой, густо росли бурые низкие заросли.

Кирилл прилип к обзорной стене. На этот раз изображение показывало город без украшений, с отметками расстояния и предупреждениями. Его занимала одна широкая белая площадка, вокруг которой теснились маленькие тёмные тела.

— Это рынок?

— Ожидание смены, — сказал Тэс. — Их заберут на наружные работы.

— Столько людей на одном объекте?

— Несколько объектов.

Приближаясь, Кирилл разглядел на площадке низкие переносные сиденья. Некоторые арраны лежали на них почти неподвижно. Одежда соседей скрывала их отдалённо похожие тела; с высоты трудно было понять, где заканчивается один работник и начинается другой.

Свой груз Кирилл увидел лишь на третьем часу после причаливания. Кассеты въехали в светлую камеру на отдельных платформах. По их бокам уже стояли чужие отметки. Он узнал написанные Захаром последние цифры и испытал такую радость, будто встретил знакомого в незнакомом городе.

Тэс велел ему не заходить в грузовой шлюз. Проверка шла без них. Арранка, принимавшая материал, задала несколько вопросов через связь: об упаковке, повторном нагреве, времени после приготовления. Кирилл отвечал сам, хотя Тэс несколько раз мог бы сделать это быстрее.

Одну кассету задержали для дополнительного просмотра. Кирилл сразу решил, что они потеряли двадцать килограммов, однако через полчаса кассета вернулась на общую платформу. Он не понял бы этого по чужой отметке; пришлось спросить. Допуск сохранял те же взрослые назначения и подготовку, которые прошли петербургское наблюдение.

Тэс показал ладонью на выход:

- Теперь покупать обувь.
- Какую ещё обувь?
- Ту, в которой не упадёте в городе.

Покрытие жилых проходов было мягким и чуть липким. Человеческие подошвы цеплялись за него неправильно; при каждом шаге Кириллу приходилось отрывать ногу, как от незастывшей краски. В лавке ему выдали широкие накладки с полукруглым носом. Он стал похож на человека, впервые вышедшего на лыжах без палок. Тэс наблюдал молча, только боковые глаза заметно двигались.

- Можно смеяться, — разрешил Кирилл.
- Я заплатил за вашу дорогу. Мне хотелось бы сохранить достоинство вложения.

* * *

Первые покупатели сидели по ту сторону низкой перегородки.

Здесь Кирилл снова мог дышать человеческим воздухом. Перед ним стояла чашка с горячей водой и запечатанный пакет еды. Вода казалась слишком дорогим угощением, чтобы жаловаться на отсутствие чая. Тэс с двумя посетителями расположился в арранской части. На столе лежали небольшие приготовленные пластины из их металла.

Один покупатель был низким и широким даже по местным меркам. На передних руках у него сверкали тонкие кольца, соединённые мягкими перемычками. Другой оказался женщиной с гладким светлым покровом. Она с самого начала смотрела на Кирилла, почти не обращая внимания на торговца.

- Вы можете делать много? — спросила она.
- Могу нарастить производство.
- Это значит много или мало?
- Зависит от срока.

Она положила на стол свой носитель. На поверхности перед Кириллом появились четыре числа. Переводчик выбрал земные килограммы и месяцы. Женщина спрашивала о пяти тоннах каждые тридцать дней.

Кирилл едва не ответил сразу. У него в мастерской была маленькая печь, которую они иногда занимали всего на одну смену. На большом оборудовании пять тонн не составляли проблемы. Потом он вспомнил формы, каждую отдельно, израсходованные стержни, Захара с его осторожной рукой.

— Через несколько месяцев — возможно. Сначала нужно получить вторую подтверждённую партию.

Покупательница показала на Тэса.

- Он говорит, что вы быстрый.
- Он хочет продать вам товар.

Тэс не вмешался. Широкий арран приблизил одну из пластин к нижней паре глаз. Попросил приёмную запись, просмотрел её и только после этого разломил пластину на две части. Одна осталась на столе, другую он передал женщине.

— Я не покупаю молодым, — сказал он. — Только для закрытой оболочки и тех назначений, которые у вас прошли. У меня три кухни.

— Сколько человек? — спросил Кирилл.

Тэс повернул к нему руку, предупреждая, но покупатель уже ответил:

— Две тысячи девятьсот десять. Почти все платят вовремя.

Пластины попробовали на влажной серой основе. Женщина приподняла пищевую створку всего на несколько секунд. Широкий покупатель ел долго, с остановками, потом осторожно провёл внутренним краем по остатку пластины.

— Суховато, — сказал он.

Кирилл посмотрел на Тэса. Тот слегка наклонил туловище, как бы предлагая отвечать самому.

— Можно изменить подготовку.

— Не нужно менять до продажи. Продадите это. Потом покажете другое.

Он назвал количество. Покупательница попросила всё оставшееся. Тэс наконец заговорил, быстро и уверенно, почти не переводя дыхания между фразами. На поверхности стола появлялись новые строки, одни исчезали, другие оставались. Кирилл следил за переводом и постепенно перестал понимать, торгуется ли его партнёр из-за большой суммы или из удовольствия продлить момент, когда товар нужен больше, чем продавцу деньги.

Когда посетители ушли, часть пластин осталась на столе. Тэс переместил их в отдельный контейнер.

— Эти на последующее наблюдение. Остальное продано.

Кирилл спросил цену.

Тэс показал счёт. В пересчёте на земные деньги валовая выручка выглядела невероятной. Потом строки начали уменьшать её: обработка, перевозка, лабораторная серия, местный сбор, страховка, доля выкупа права на разовую реализацию. На последнем уменьшении Кирилл поднял глаза.

— Это ещё кому?

— Общему пищевому причалу. Я говорил, что в Ийре нужно право продажи.

— Ты говорил про оформление.

— Это и есть его цена.

Кирилл взял панель обеими руками. Его доля остатка составляла восемь миллионов семьсот шестьдесят тысяч рублей. В ней уже учли оплату работы их цеха и Майи, но ещё не учли будущие земные обязательства владельца. Он несколько раз прочёл последнее число, затем снова вернулся к строке чужого причала.

— А если не пользоваться их причалом?

— Найдём, где не пользоваться, — сказал Тэс. — Пока мой корабль стоит здесь.

* * *

Кирилл настоял, чтобы они поели в одной из трёх кухонь покупателя.

Человеческой секции там не было, и ему пришлось оставаться в дыхательном контуре. Он держал свой запечатанный пакет на коленях, пока арраны вокруг опускали передние части тела к общему столу. Еда приходила по тёплым трубкам в плоские чаши, светлую добавку приносили отдельно, как дорогую приправу.

Один из работников кухни заметил внимание Кирилла и показал ему пустую кассету от их партии. Номер Захара ещё можно было разобрать. Кассету уже использовали под инструмент.

Кирилл достал камеру. Не стал снимать едоков, снял только кассету и маленькую стопку серебристых пластин. Послал Майе, добавив: «Суховато».

За соседним столом арранка отломил часть своей порции и положила перед маленьким спутником. Тот поднёс её к переднему желобу, но она придержала его руку и сама размяла пластину с другой тёмной пастой. Кирилл смотрел слишком пристально; Тэс тронул его за рукав.

— Не наш материал, — сказал он. — Для молодых здесь другое.

— Почему?

— Потому что они молодые.

— Я понял. Чем отличается?

— Я возил готовое, — ответил Тэс. — Спросим у тех, кто готовит.

Кирилл посмотрел на собственный пакет и перевернул его составом к себе. Он мог назвать свойства почти всех элементов в приготовленном им металле, но не знал, что из его обеда можно дать ребёнку.

За стеклом кухни медленно поднимался широкий грузовой лифт. На нём стояли арраны с белой площадки ожидания. Теперь Кирилл видел их ближе. У одного передние пальцы были стянуты мягкой лентой, чтобы не расходились; другой держал чужую опору и не выпускал её даже тогда, когда лифт остановился.

Тэс закончил свою порцию и спрятал чашу в паз стола. Кирилл остался сидеть, пока лифт не ушёл за верхний край окна. Счёт с восемью миллионами всё ещё был открыт у него на лёгком экране. Он выключил экран, но цифры продолжали стоять перед глазами, как если бы были напечатаны на стекле.

Глава 5. Деньги возвращаются

Пока Кирилл летел обратно, Захар успел вернуть заказчику первый насос, закончить второй и поругаться с владельцем третьего. Мир не ждал прибыли из другой системы.

У ворот мастерской висела новая табличка с чужим номером телефона. Кирилл остановился перед ней с дорожным контейнером в руке. Уже представил, что они не заплатили за аренду и помещение сдали другим, хотя платёж сам проверил перед вылетом.

Захар вышел из боковой двери.

— Это сосед. У него указатель украли. Попросил пока здесь повесить.

— Сними.

— Зачем?

— У нас своё предприятие. Не столб объявлений.

Литейщик посмотрел на него, затем перевёл взгляд на контейнер.

— Тебя там хорошо кормили?

Кирилл поставил вещи у стены. Снял табличку сам, принёс в соседнюю мастерскую и объяснил, где лучше её закрепить. На обратном пути увидел своё отражение в тёмном стекле ворот. Та же куртка, тот же помятый ворот, только на лице оставалось выражение человека, которому не дали торжественно войти.

Он засмеялся. Захар, стоявший возле верстака, поднял голову.

— Ладно, — сказал Кирилл. — Прибыль пришла. Можно праздновать.

Они поели в маленьком кафе через дорогу. Кирилл заказал слишком много, включая горячее, которого почти не коснулся. После чужих кухонь человеческие блюда казались избыточными: на одной тарелке могли лежать несколько вещей, каждая со своим запахом и цветом, и никто не считал это роскошью. Он рассказал, как Тэс покупал переднюю половину порции у одной кухни и заднюю у другой, потому что первая лучше готовила мягкую основу, а вторая не разбавляла добавку.

Захар слушал с неподвижным лицом.

— Значит, за сухость скидку дали?

— Не дали.

— Молодцы.

После обеда Кирилл показал ему расчёт и назвал премию. Литейщик положил ложку на край тарелки, долго смотрел на цифру, потом спросил, сколько смен за неё придётся отработать.

— За уже сделанные.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Тогда я в августе на две недели уеду. Сестра зовёт давно.

Кирилл почувствовал, как в нём привычно готовится возражение. Они только начали настоящее дело. Теперь станут нужны люди, новые формы, обученные смены; отпуск мог бы подождать. Он уже открыл рот, когда Захар добавил:

— Я потому заранее говорю.

— Хорошо. Запишем.

Вечером Кирилл купил себе новое пальто. Старое послужило бы ещё несколько лет, но он не захотел снова возвращаться из космоса в той же потёртой вещи. Продавщица предложила подобрать к пальто обувь. Он согласился и потом почти час ходил по городу, привыкая к тому, как легко можно заплатить за ненужное прямо сейчас.

Первые настоящие деньги не успокаивали. Они открывали всё новые места, куда их хотелось немедленно потратить.

* * *

Майя прислала счёт за последнюю часть работы, получила оплату и только потом согласилась встретиться.

Кирилл выбрал ресторан, в котором никогда прежде не был. Майя пришла в простом тёмно-синем платье, без привычных накладных карманов. Некоторое время он не знал, куда деть взгляд: хотелось показать, что заметил перемену, и одновременно не хотелось выглядеть человеком, впервые увидевшим женщину вне цеха.

— Ты всё время смотришь на мои руки, — сказала она, усевшись.

— Обычно на них что-нибудь есть.

— Сейчас тоже. Кольцо. Мне его подарили, когда я закончила обучение. Могу снять, если мешает обсуждать металл.

— Не снимай.

Она улыбнулась и раскрыла меню. Кирилл принялся рассказывать про Ийр. Про мягкий пол, широкий город на кольце, дешёвую воду в дорогой чаше, светлые пластины на серой пасте. Про свой заработок сказал позже, когда официант уже убрал первые тарелки.

Майя выслушала до конца.

— Значит, стоимость обработки осталась больше нашей производственной?

— Пока.

— И транспорт.

— Пока, — повторил он.

— А ты хочешь делать здесь и возить туда.

— Уже есть запрос на шесть тонн.

Майя отложила вилку.

— От той женщины?

Он показывал ей запись первой продажи. Покупательница называлась Эсса, держала несколько распределительных складов и говорила с такой уверенностью, словно сама выбрала число жителей города. Она прислала намерение купить следующую партию, если состав и подготовка повторят первую.

— От неё и ещё двух. Эсса забирает больше половины.

— На этот раз отбор каждой формы съест прибыль.

— Поэтому я хочу большую серию. Новую установку. И хочу, чтобы ты вела наладку.

— Сколько времени?

— Два месяца. Для начала.

Майя посмотрела в окно. За стеклом шёл дождь, тихо и густо, и люди у входа стояли под одним общим навесом, не торопясь расходиться. Кирилл уже почти забыл, что погода может быть не настройкой чужого помещения.

— У меня работа до конца следующего месяца, — сказала она.

— Можно выкупить.

Майя покрутила кольцо на пальце.

— Я закончу то, что взяла. Потом могу прийти. Но проект наладки будет мой, с моими записями и людьми. Давай сразу решим, за что ты платишь: за рабочее время или за то, чтобы никто другой не смог этим пользоваться.

— Мы же ещё не знаем, что именно получится.

— Мне нужно сохранить записи для следующих наладок. Я этим и дальше собираюсь зарабатывать.

Кирилл вспомнил их разговор о доле у форм и рассмеялся. Она тоже улыбнулась, но ждала ответа.

— За работу, — сказал Кирилл. — Отдельно заплатим за обучение смены. Твоё авторство укажем в процессе.

— Договор пришлѐшь сегодня?

— Сегодня.

Они ещё полчаса обсуждали оборудование. За это время платье перестало его смущать, а кольцо стало знакомой частью её руки. Когда они вышли, дождь усилился. Кирилл предложил вызвать машину. Майя отказалась: ей нравилось пройти пешком после долгого сидения. Он пошёл рядом, подняв ворот нового пальто.

У перекрёстка она спросила:

— Ты сам когда-нибудь хочешь поесть то, что продаёшь?

— Металл?

— Не буквально. Хочешь увидеть, как им пользуются долго? Не один раз на кухне.

— Хочу.

— Тогда поеду с тобой, когда закончится первая работа. Но не на твой билет «как получится». Сама выберу срок.

Он кивнул. Под мокрыми ветвями ей приходилось иногда идти впереди него, и каждый раз, когда она оглядывалась, Кирилл чувствовал, что ждёт следующего такого взгляда.

* * *

Платон Жарков пришёл в мастерскую с двумя помощниками и не стал смотреть на печь.

Сначала он осмотрел погрузочную площадку, спросил высоту ворот, проверил, где разворачивается машина, и только после этого поздоровался с Кириллом. Он был высокий, широкоплечий, с густыми седыми волосами; пальто носил расстѐгнутым, будто не собирался задерживаться. Но задержался до вечера.

Жарков узнал о продаже из торговой сводки. Сводка не называла состав сплава, зато показывала цену небольшого груза и нового земного производителя. В маленьком мире межзвѐздных посредников этого хватало, чтобы найти адрес.

— Вы не первые, кто обнаружил там дорогую вещь, — сказал он. — У людей бывало. Обычно они спотыкались о второй рейс.

— Вы продаёте помощь второму рейсу?

— Продаю возможность не продать мастерскую перед третьим.

Кирилл посмотрел на печь. На боку у неё всё ещё была царапина, оставшаяся после переезда, когда они с Захаром не рассчитали поворот. Отдать это помещение теперь казалось почти смешной платой за большой завод. Ещё два месяца назад такая мысль выбила бы его из сна.

— Что вы хотите взамен?

— Финансирование сырья и перевозки на первые три больших отправки через меня. При срыве вы возвращаете затраты. За перенос согласованного окна тоже платите, если оно уже куплено. Не прибылью — затратами. Прибыль может не случиться.

— Технология остаётся наша.

— Я не умею делать металл. Зачем мне ваша технология без вас?

Это прозвучало удобно. Кирилл всё же попросил проект условий и показал его специалисту, который вёл их обычные сделки. Тот вернул файл с замечаниями на следующий день. Жарков не возмущился, принял часть изменений и оставил обязательство по оплаченному транспортному окну.

— Я плачу за окно раньше, чем получаю ваш груз, — объяснил он. — Вот эту часть оставим.

Кирилл подписал только после расчёта с Тэсом. Арран не обрадовался новому посреднику, но признал, что без кредита шесть тонн они не сделают. Он оставил за собой подбор

покупателей и сопровождение в Ийре; Жарков получил земную доставку и место в дальнем караване. Два интереса легли рядом, ещё не задевая друг друга.

В день поступления аванса Кирилл пригласил в мастерскую молодого технолога Никиту Селецкого.

Никита пришёл с маленьким экраном, на котором уже был собран его вариант управления охлаждением. Рассказывал быстро, сам себя перебивал и от восторга всё время приближался к печи. Захар один раз молча отодвинул его за плечо, освобождая проход.

— Я видел запись про пищевой сплав, — сказал Никита. — Вы же поняли, что это не просто заказ? Это может стать первой большой земной линией там.

Кирилл посмотрел на него и увидел собственную мысль, произнесённую человеком, который ещё не успел устать от её невероятности.

— Может, — ответил он. — Поэтому начнём с того, что она должна выдавать одинаковый металл хотя бы здесь.

Никита кивнул так охотно, что Кирилл вдруг почувствовал ответственность тяжелее, чем при подписи под кредитом.

Он прошёл к воротам, снял старую вывеску с тусклой подсветкой. На её месте через неделю должна была появиться новая. Называлась компания пока по-прежнему, но он уже представлял другие буквы: большие, видимые из конца улицы, которые когда-нибудь увидят и на чужом небе.

Глава 6. Вторая плавка

Новую установку привезли через пять недель после сделки с Жарковым, в дождь.

Никита выбежал встречать платформу без куртки и вернулся мокрый до локтей. На упаковке стояла его фамилия: он сам принимал часть поставки и теперь светился от важности. Кирилл дал ему сухую рабочую рубашу, а Захар велел сначала принести подкладки под опоры, потом любоваться.

Машина оказалась шире, чем казалась на чертеже.

Её поставили в проходе, который прежде держали свободным для ремонта насосов. До старой печи осталось два шага, до стены — один. Кирилл посмотрел на собственную мастерскую и впервые увидел, как быстро новое дело может вытеснить прежнее, не спросив людей, готовы ли они расстаться с удобными привычками.

На следующий день он снял соседний бокс. Хозяин поднял цену, узнав, кто платит. Кирилл попытался торговаться и получил в ответ ссылку на торговую сводку. В ней снова стояла стоимость его первого груза. Свои восемь миллионов он уже успел распределить почти полностью, но для человека за соседней стеной они оставались нетронутой горой денег.

Майя приехала через три недели после начала монтажа. Сначала обошла установку, ничего не говоря. Потом встала в проходе между двумя печами, развела руки и спросила, как здесь должны разойтись двое с горячей оснасткой.

Кирилл показал на соседний бокс.

— Для этого сняли.

— А подключили здесь.

Перенос занял два дня. Никита сердился, потому что пришлось заново тянуть часть проводов, но вечером сам признал, что теперь видит всю линию с одного места. Майя попросила оставить ему это место и настроить отображение под его работу, а не под образец из заводской поставки.

Кирилл не вмешивался. С каждым днём людей и деталей становилось больше, и он учился узнавать состояние мастерской по звуку. Новая система охлаждения пела тоньше старой. При ровном ходе насосов слышался низкий длинный звук, а в момент переключения один из модулей отзывался коротким всхлипом. Захар назвал его ребёнком и после этого требовал по утрам сначала проверить, как спал ребёнок.

Первые четыре заливки вышли похожими. На пятой Никита заметил раннее расхождение и остановил подготовку следующей формы. Кирилл подошёл к экрану, увидел отклонение, хотел разрешить продолжение — остаток входил в широкий рабочий допуск. Потом спросил Майю, где проходит пищевой.

— Пока там, где мы его держим, — сказала она. — Слишком мало серий, чтобы расширять.

Кирилл решил отбраковку.

Вечером он посчитал потери и снова разозлился. Теперь злился не на Майю. На столе лежали вполне хорошие конструкционные пластины, которые нельзя было включить в оплаченный товар. Прежде их продали бы за честную цену, и никто не счёл бы такую работу неудачей. Новое назначение превратило прежнюю удачу в брак.

Он отправил Тэсу изображения и спросил, нельзя ли пустить часть на иную переработку.

Ответ пришёл на следующий день: можно исследовать, пока отдельно. Вместе с ответом Тэс передал запись из Ийра. Трое взрослых покупателей проходили повторное наблюдение после материала первой партии. У двоих результат был устойчивым, третий нуждался в изменении подготовки. У всех сохранялся старый основной рацион.

Кирилл долго смотрел на чужие руки. Такие же длинные пальцы, какие держали когда-то его осколок у выставочного стенда, теперь сгибались и разгибались на фоне измерительной сетки. Производство переставало быть цепью кассет. По ту сторону находились тела, которым нельзя было объяснить, что отклонение вышло небольшим и стоило слишком дорого.

* * *

Сырьё на оставшуюся часть заказа пришло из другой партии.

Основной поставщик не успевал дать всё к сроку. Жарков предложил запасной склад, Кирилл сверил состав и согласился. Для обычных изделий металл был лучше нужного: чистый, ровный, с аккуратной историей обработки. Пищевого назначения у земного сырья пока не бывало вообще. Пришлось сравнивать его с тем, что уже прошло чужую лабораторию.

Майя выбрала материал из разных мест. Никита прогнал малые пробы. Они не увидели значимого расхождения на собственных приборах, отправили новые пластины на предварительную проверку в Санкт-Петербург. Оттуда пришло разрешение продолжать серию в установленных пределах. Долгое наблюдение новой партии предстояло на месте пищевой обработки, как они заранее записали с Тэсом.

Срок отправки приближался.

Кирилл впервые проснулся среди ночи, услышав работу охлаждения, хотя спал у себя дома, далеко от мастерской. Звук оказался движением воды в стене. Он лежал в темноте, пока не вспомнил, что на последней заливке к стене придвинули ящик с чистыми вставками. Ящик не мог перекрыть проход, но мог мешать открыть нижнюю крышку. Кирилл отправил Захару сообщение, получил в ответ фотографию пустого прохода и короткое: «Спи».

Утром Майя застала его возле формы с кружкой, которую он держал обеими руками.

— Ты сегодня не останешься на ночь.

— У нас последний прогон.

— У нас есть Никита и Захар. А у тебя скоро перелёт.

— Там выплусь.

Она поставила перед ним испорченный пробный стержень. Он был согнут в двух местах.

— Это ты закрепил вчера. Я успела заметить до заливки.

Кирилл смотрел на стержень, узнавая собственный вчерашний торопливый нажим.

Он ушёл домой днём. Позвонил сестре, с которой не разговаривал со времени первой поездки, выслушал историю о племяннице и новом курсе, на который та поступила. Поймал себя на том, что несколько раз поддакивал, ничего не услышав, и попросил рассказать с начала. Сестра спросила, не болен ли он. Кирилл ответил, что, кажется, разбогател, но пока чувствует себя хуже, чем прежде.

Она смеялась долго.

— Значит, ещё не до конца, — сказала наконец. — Дорабатывай.

Он заснул до темноты и проснулся только от звонка будильника.

* * *

Шесть тонн стояли на платформах в соседнем боксе.

Ящики доходили Кириллу до груди. На каждом был собственный номер, масса, указание партии сырья и режим изготовления. Ещё на каждом оставалось чистое место под чужую приёмную отметку. Кирилл провёл ладонью по одному такому месту и подумал, как нелепо устроена его новая жизнь: самая дорогая часть ящика была пока пустой.

Майя собиралась с ним.

Она привезла дорожную сумку, в которую поместились сменная одежда, личный дыхательный контур и несколько небольших приборов. По его просьбе взяла также два запасных измерительных блока. Сначала отказалась тащить лишний вес ради того, что есть на месте, но Тэс сообщил: человеческого оборудования нужного типа в Ийре пока не нашёл.

— Значит, это уже груз, — сказала она. — Записывай отдельно.

Никита провожал их до терминала. Он не скрывал обиды, что остаётся на Земле; Кирилл обещал взять его на следующую поездку, когда появится постоянная работа, а не только продажа партии. Молодой технолог сразу спросил, что считать постоянной работой. Кирилл засмеялся и велел ему не торговаться с собственным будущим начальником раньше времени.

Никита не засмеялся.

— Я правда хочу понимать.

— Тогда так. Если берём площадку там — едешь на монтаж. Если продолжаем возить отсюда — пока работаешь здесь. Оплата не меняется от того, где я нахожусь.

Только после этого Никита кивнул.

Тэс встретил их у посадочного перехода. Посмотрел на Майю, на её лёгкую сумку и на отдельный контейнер с приборами.

— Вы упакованы лучше производителя, — сказал он.

— Я посмотрела, как он вернулся.

Кирилл погрозил им обоим пальцем и пошёл к шлюзу. Новое пальто пришлось оставить на хранение: для корабля оно было слишком большим и бессмысленным. Он вытащил из кармана ещё один маленький образец, который незаметно прихватил с собой, и положил в лабораторный контейнер.

Майя видела это, но ничего не сказала.

На «Промежутке» им выделили две соседние человеческие каюты. Кирилл по дороге рассказал про запах надёжной машины. Майя вошла к себе, нашла белый брусок в увлажнителе и прочла упаковку.

— У меня хлебный отдых.

— Сочувствую.

Она не стала вынимать брусок сразу. Присела на узкую постель, закрыла глаза.

— Знаешь, — сказала, — иногда чужое представление обо мне приятнее моего собственного.

Кирилл стоял в открытом проёме. Ему хотелось остаться ещё на минуту, но она уже потянулась к застёжке сумки и сказала, что придёт на обед после распаковки. Он пожелал ей приятного хлеба, вернулся к себе и неожиданно обнаружил, что каюта больше не кажется ему тесной.

Переходы на этот раз шли быстрее. Караван, в котором Жарков выкупил место, меньше ждал на промежуточных узлах. Кирилл привыкал к соседству Майи за общим столом, к тому, что она не каждый раз поднимает голову, когда он входит, и иногда предпочитает читать вместо разговора. На шестой день они пробыли вместе почти всё свободное время, не обсудив металл ни разу.

Тэс появился вечером, когда Кирилл пытался объяснить ей правила старой карточной игры.

— В Ийре меняют приёмную схему, — сказал торговец. — По новым партиям сначала расширенная подготовка. Для нас окно оставили.

— Из-за чего меняют? — спросила Майя.

— Появились вопросы к земным добавкам. Не только нашим.

Кирилл бросил карты на стол.

— У нас всё проверено.

— Тогда потеряем время. И немного денег.

— Насколько немного?

Тэс не ответил сразу. Он присел возле стола, прижав к груди сложенный экран. Майя убрала карты в коробку, не пытаясь закончить игру.

— Пока не знаю, — сказал торговец. — Я запросил список. Получу на следующем узле.

После его ухода Кирилл всё-таки открыл последнее земное заключение. Майя читала рядом, не заглядывая ему через плечо. Это раздражало его сильнее, чем если бы она начала спорить. Он сам повернул к ней экран.

— Посмотри ещё раз.

Она взяла его без слов. Дочитала до конца, вернула.

— Здесь только наш перечень проверок. Когда Тэс получит новый, сравним.

Кирилл прислонился к спинке кресла. В стенке едва слышно работал её увлажнитель. Из каюты тянуло тёплой коркой хлеба, которого на корабле никто не пёк.

Глава 7. Пломбы на шлюзе

На втором ящике поставили жёлтую скобу.

Кирилл стоял за ограждением приёмного зала и видел, как нижний край скобы сомкнулся под грузовой рамой. Платформа перестала двигаться. Оператор, до этого почти не обращавший на них внимания, переключил изображение на собственную панель.

— Что это значит? — спросил Кирилл.

Тэс уже говорил по внутренней связи. Майя приблизилась к стеклу, пытаясь разобрать номер кассеты. Перевод пришёл раньше, чем торговец закончил вопрос: в расширенной пробе обнаружено неблагоприятное взаимодействие с испытательной средой. Партия задержана до разделения и повторной проверки.

— Какая партия? — спросила Майя. — По сырью или вся отправка?

— Пока вся.

Она повернулась к Кириллу. Он открыл производственный список. Первые две тонны четыреста килограммов были из прежнего запаса, остальное — из нового. Внутри каждой части кассеты имели разные номера. Он ткнул пальцем в экран, показывая границу, но приёмщик не смотрел на его палец.

— Разделение подтвердим после проверки, — повторил тот.

Кирилл почувствовал, как в закрытом ворота становится жарко. На Земле он сотни раз спорил с человеком, который ставил чужую подпись на готовой вещи. Знал, когда нужно промолчать, когда попросить измерение, когда назвать имя того, кто отвечает за срок. Здесь он даже не знал, в каком слове правильно разместить злость.

— Покажите само взаимодействие, — сказала Майя.

На большой поверхности возникло увеличение. В рабочей среде лежали подготовленные частицы; возле одной края живой ткани покрылись плотным тёмным слоем. Движение продолжалось на соседнем участке, а у этой частицы остановилось. Запись повторили медленнее. Кирилл сравнил её с первой лабораторной серией и увидел разницу раньше, чем успел найти объяснение.

— Это из нашей новой половины, — сказал он.

— Из новой части, — поправила Майя. — Её больше половины.

Тэс замолчал. Впервые за всё время он стоял почти неподвижно, только левая передняя опора медленно сдвигалась вперёд и возвращалась на место.

Приёмщик выслал цену дополнительных серий. Отдельно шли хранение, сопровождение и продление разрешения на нахождение груза в пищевом шлюзе. Внизу стоял срок: десять дней. Потом груз следовало либо вывезти обратно как непищевой, либо перевести в закрытое хранение.

— Это общее условие? — спросила Майя.

— Для любой задержанной новой основы.

— Сколько таких сейчас здесь?

Приёмщик поднял два пальца, потом ещё один на другой руке.

— С вашей три.

Одна из трёх. Кирилл держался за это число, пока Тэс расписывался в получении уведомления. С ними не происходило ничего исключительного. От этого не становилось дешевле, но по крайней мере не нужно было немедленно искать тайного врага под жёлтой скобой.

* * *

Сиарр пришёл к ним через четыре часа.

Ему не потребовалось представляться дважды. Тэс выпрямился сразу, как только увидел его в дверях переговорного отсека. Новый посетитель был высоким для аррана, с узким светлым покрывом на спине и гладкими передними руками. Дыхательного воротника здесь он не носил. На одной боковой створке оставался старый длинный шрам.

Кирилл увидел шрам раньше лица и потом всё время возвращался к нему взглядом. У остальных арранов он до сих пор плохо различал следы прожитого времени; здесь перед ним была понятная повреждённая поверхность, с которой тело научилось жить. Они с Майей ждали в человеческой нише; над общей частью стола едва заметно дрожала воздушная граница.

— Дом Арс, — сказал Тэс тихо.

Сиарр остановился у стола. За ним остался один сопровождающий; второй ушёл к грузовому окну.

— Вы привезли хороший новый материал, — сказал Сиарр Кириллу.

— По вашей скобе не скажешь.

— Скоба принадлежит причалу. У дома там доля, но не все решения.

Он сел. Тэс остался стоять ещё несколько секунд и лишь потом опустил на собственную низкую опору. Майя положила на стол два производственных списка.

— У нас разные партии сырья, — сказала она. — Можно выделить прежнюю и не держать всё вместе.

— Можно. Это уже начали делать.

— Откуда вы знаете?

— Я спросил до того, как пришёл. Наша кухня купила часть вашего первого груза.

Кирилл взглянул на Тэса. Торговец не отвёл глаз, но ничего не сказал. Покупатели имели своих покупателей; за владельцем кухонь и женщиной со складами обнаруживались дома, о которых он тогда не спрашивал.

Сиарр вывел цену. За подтверждённую часть он предлагал обычный покупной уровень, за сомнительную — стоимость возвратного сырья с вычетом очистки. Общая сумма позволяла рассчитаться с Жарковым и закрыть большую часть текущих расходов, но почти не оставляла денег на новую серию.

— И хранение вы берёте на себя? — спросил Тэс.

— После передачи. Не до.

— Обработаете на своих линиях?

— Если найдём способ. Иначе используем вне питания.

Кирилл наклонился над списком. Ему хотелось поймать их на грубой лжи: настолько явной, чтобы можно было встать, указать на неё и вернуть себе прежнюю уверенность. Вместо этого перед ним лежало разумное предложение купить чужую неудачу дёшево.

— Вы знаете, в чём причина, — сказал он.

— У нас есть предположение.

— Какое?

Сиарр посмотрел на Майю, на её руку возле двух списков, затем опять на Кирилла.

— Вы продаёте материал вместе со способом его изготовления. Наш способ обработки тоже существует не бесплатно.

— Пока вы называете мой металл непригодным, цена у него — как у лома. После вашей обработки станет пищевым.

— Возможно.

— Очень удобно.

Сиарр поднял переднюю руку. Шрам на боковой створке натянулся, став светлее.

— У меня двадцать семь действующих линий. Вчера на двух пришлось остановить выдачу из-за повреждения поставки. Люди в тех городах поели из запасов других двадцати пяти. За запас никто не платит с удовольствием. За него платят только тогда, когда его нет.

— Мы тоже заплатили за запас, — сказал Тэс. — На первом грузе.

— Поэтому я здесь с ценой, а не с обвинением.

Кирилл отодвинул расчёт. Майя взяла панель, приблизила отдельные строки. Она не отказывалась и не соглашалась; проверяла, что именно останется у них после выхода. От её спокойствия Кириллу захотелось сказать что-нибудь резкое, но он промолчал.

— Сколько времени на ответ?

— До следующего вашего дня. Потом надо назначать мощность другой партии.

Сиарр поднялся. В дверях задержался, заметив на столе маленький земной образец.

— Это из отдельной пробы?

— Нет. Из текущей серии.

— Не смешайте.

Он ушёл. Кирилл смотрел ему вслед, чувствуя, что теперь ненавидит даже правдивую часть сказанного.

* * *

Чтобы получить собственный образец назад, им пришлось перейти в другой отсек.

В пищевую часть людей не пустили. Через два шлюза и узкий проход они добрались до помещения для непищевых материалов, где стояли контейнеры всех форм. Здесь воздух был ближе к человеческому, но всё равно требовал маски. Майя закрепила свой дыхательный блок на груди, проверила ремень и попросила Кирилла сделать то же самое. Он уже застегнул верх, оставив нижнюю стяжку свободной; пришлось вернуться к креплению.

Тэс ждал у низкого стола. Его воротник отсырел по краю, из защитной складки стекла маленькая капля.

— Они дадут два килограмма после отбора, — сказал он. — С остальным не разрешают двигаться до решения.

— Это наш металл.

— Здесь наш металл стал их ответственностью. Можно заказать обратный вывоз, и тогда разрешат упаковать его под непищевой груз. Но разворачивать шесть тонн мы будем уже за свой счёт.

Кирилл прикинул стоимость и перестал спорить.

Им подали небольшой закрытый лоток. Майя сверила номера, попросила снимки всех мест отбора, затем взяла одну из двух пластин. В свете лампы она выглядела такой же, как первая партия: тонкие серебристые перья, ровная кромка, чистый след разлома.

Кирилл почувствовал почти физическое раздражение к красоте поверхности. Металл отказывался показывать им беду тем способом, которому его учили двадцать лет.

— Что ты хочешь делать? — спросил он.

— Сначала увидеть после их подготовки. Не наш излом. То, что осталось между нашими границами.

— Они показали запись.

— Я хочу кусок.

Тэс посмотрел на неё нижними глазами.

— Подготовленный материал остаётся в пищевом исследовании. Его просто так не вынесут.

— Нам и не нужно просто так. Пусть дадут под наблюдением. Найдём, где смотреть.

Кирилл достал панель, открыл список доступных лабораторий. Два названия были связаны с тем же причалом, одно — с домом Арс. У четвёртого стояла пометка о неполном оборудовании. Цена оказалась заметно ниже, чем у остальных.

— Это что за место?

Тэс посмотрел и медленно прижал передние руки к столу.

— Лечебница Ирры. Они иногда проводят свои серии. Там мало машин.

— Нам не нужно много.

— Там ещё меньше денег, Кирилл.

— Я вижу цену.

— Я не про цену. Если вы придёте туда продавать надежду, она вас выставит раньше, чем я успею познакомить.

Майя убрала пластину в лоток и вывела на своём экране параметры изображения, которое им дали на причале.

— Узнайте, они вот так смогут посмотреть? Нам нужен вид сбоку, изнутри.

Кирилл подтвердил заказ образца после обработки. Приёмщик назвал новое время: следующий день. Чтобы успеть с ответом Сиарру, им пришлось бы прийти в лечебницу рано утром.

Тэс вызвал лечебницу, коротко поговорил. На этот раз перевод был включён не полностью; Кирилл слышал только своё имя, слово «партия» и фразу, которая пришла в человеческий канал уже после паузы:

— Не приводите его в часы выдачи.

Кирилл поднял лоток. Под ладонью металл оставался холодным и вполне настоящим. Двенадцать часов назад он вёз в Ийр несколько сотен миллионов будущей выручки. Теперь нёс два килограмма, за право рассмотреть которые только что заплатил ещё раз.

Глава 8. Тёплый песок

Лечебница Ирры находилась под грузовой дорогой.

Каждые несколько минут над потолком проходила платформа, и светильники дрожали, рассыпая по стенам тонкие блики. На Земле Кирилл назвал бы такое место подвалом. Здесь у здания не было земли ни сверху, ни снизу; просто одной части города досталось право смотреть наружу, а другой — слушать колёса.

У входа стояли два больших бака. Из одного тянулся пар, возле второго арранка со светлой повязкой на передней ноге наполняла плоские сосуды. Увидев Тэса, она отвернулась к баку. Торговец остановился, будто хотел заговорить, но арранка уже ушла через боковую дверь.

— Знакомая? — спросил Кирилл.

— Покупательница. Бывшая.

Ирра встретила их в комнате, где треть пола занимала широкая неглубокая чаша. В ней шевелился тёплый серый песок. На песке отдыхал арран, вытянув две передние ноги; подвижные крупинки медленно проходили между суставами, поддерживая тело снизу. Он слушал разговор, не поворачивая головы.

Врач была меньше Тэса и гораздо подвижнее. Её светлая защитная оболочка держалась на трёх ремнях, один постоянно сползал. Она подтянула его зубчатым зажимом, взяла лоток с образцами и спросила у Майи:

— Кто из вас понимает подготовку?

— Мы оба понимаем металл. Вашу подготовку пока нет.

— Хорошо, что хотя бы это известно.

Кирилл отдал предварительные результаты. Ирра просмотрела их у стола, оставив лоток закрытым. Потом указала на человеческую нишу за прозрачной стенкой. Там было два узких сиденья и стол, на котором лежала давно высохшая ветка какого-то земного растения.

— Если будете долго, сможете снять маски там. Сейчас идите за мной.

В рабочем боксе ждал Нэр. У него была тонкая короткая передняя рука; кисть второй закрывал мягкий рабочий чехол с несколькими креплениями под инструмент. Он принял образцы, молча перенёс номера в свою систему и только после этого приветствовал гостей.

— Работайте с ним, — сказала Ирра, уже отходя к двери. — Мне надо к выдаче.

— Нам сказали прийти не в часы выдачи, — напомнил Кирилл.

— Вы и пришли. А она всё равно начинается.

Врач скрылась за занавесой. Нэр открыл первую ёмкость. Подготовленная частица лежала на светлой подложке, потемнев по краям. Сверху было трудно понять, чем она отличается от остальных.

Он разрезал подложку, развернул частицы к боковому свету. На поверхности появилась цепочка маленьких плотных комков. Кирилл наклонился слишком близко, маска коснулась стекла, и Майя оттянула его за рукав.

— Можно дать вид на панель?

Нэр подвинул к ним изображение. Кирилл узнал очертания внутренних перьев, но теперь между ними лежало что-то лишнее, тонко распределённое до подготовки и собравшееся в отдельные тёмные островки после неё.

— Это не основа, — сказал он. — Это вышло из промежутков.

— Вышло и осталось, — ответил Нэр. — Там, где не должно оставаться.

Он показал два поля рядом. На одном материал первой партии после обработки давал рыхлый край. На другом, новом, край был окружён плотной коркой. Стандартный предварительный анализ видел состав и рисунок внутренних границ, но не различал, как поведёт себя малая добавка в другом сочетании со средой.

- Что за добавка? — спросила Майя.
- Пока неизвестно.
- Можно посмотреть её отдельно?

Нэр провёл инструментом по краю частицы. Мелкий тёмный фрагмент отделился, прилип к рабочему концу. Врач вошла как раз в тот момент, когда Кирилл поднял ладонь, желая показать, где лучше резать.

- Здесь работает Нэр, — сказала она.

Он убрал руку. Техник даже не оглянулся; продолжил отделять микроскопический остаток с терпением, которое Кириллу знакомо было только по чужой работе.

* * *

К полудню у них была не причина, а направление поиска.

Нэр отобрал остаток и отправил его на более точный анализ в общий приборный центр. Собственная аппаратура лечебницы не могла дать нужного разделения. Кирилл оплатил серию и спросил, как скоро придёт результат.

- На вашем быстром причале — сегодня, — сказала Ирра. — Здесь наша очередь.
- Можно доплатить?
- Можно. Тогда чужая лечебница подвинется. Вы готовы?

Он посмотрел на Майю. Она не собиралась решать за него. Тэс стоял у окна, следя за тем, как арран с песчаной чаши поднимается на ноги. Два помощника придерживали его с разных сторон; песок постепенно уходил из-под суставов, уступая место твёрдой опоре.

— Платим обычную очередь, — сказал Кирилл. — А на причале попросим повторить уже отделённое. За наш счёт.

Ирра приняла решение без похвалы. Вызвала кого-то из помощников, передала ему часть образца. Перед выходом задержалась возле Тэса.

- Ты снова не был на пересмотре.
- Был у их врачей.
- Там знают твою прежнюю серию?
- Я передал.
- И сравнение передай нам. Не потому, что не верю. У нас оборудование хуже, нам нужна разница.

Тэс согласился, чуть опустив переднюю часть тела.

В маленькой человеческой нише Майя сняла маску и долго растирала переносицу. Кирилл подождал, пока закроется внутренняя дверь, прежде чем снять свою. Воздух здесь пах старой тканью и чем-то сладким. Высохшая ветка на столе оказалась пластмассовой.

- Декорация, — сказала Майя, заметив его взгляд.
- Зачем её так согнули?
- Может, думают, что так растёт.

Он осторожно выпрямил один конец. Внутри хрустнуло; Майя подняла брови, и Кирилл положил ветку обратно.

За прозрачной стеной передавали чаши с основной пастой. Серебристых порций в них почти не было видно. Арраны держали пищу по-разному: одни быстро прятали сосуд, другие задерживались, разговаривая с помощниками. Никто не выглядел одинаково несчастным, и от этого Кириллу труднее было отвести взгляд.

- Их всех не кормят? — спросил он, когда Ирра вошла в соседний канал связи.
- Кормят.
- Тогда почему они здесь?

— Потому что некоторым мало того, что дают. Другим не подходит выдаваемый состав. Третьи болеют не от еды.

— Я хочу понять, как это работает.

Ирра повернула к нему изображение одной выдачной отметки. На ней были количество, состав и несколько сроков. Внизу тянулась длинная полоса обязательств.

— Основу можно купить. Можно получить у работодателя. Можно взять у дома под будущие смены. Если у вас слабеет оболочка, вы работаете меньше, получаете меньше, берёте новый запас. Потом ваши смены становятся чужими раньше, чем вы успеваете их прожить.

Кирилл вспомнил людей на белой площадке.

— Можно уйти к другому.

— С долгом можно. С переносом питания сложнее. Другой работодатель должен выкупить часть обязательства. Если ему нужен именно этот работник, выкупает.

— А если не нужен?

— Тогда человек остаётся искать. Иногда приходит сюда.

Майя прислонилась затылком к стене. На лице у неё ещё оставалась полоса от маски.

— У вас есть новые независимые линии? — спросила она.

— Есть малые. Некоторым удаётся держать выпуск. Некоторым нет. Обученных людей мало, чистые компоненты дороги, сеть принадлежит большим домам. Хорошее небольшое производство может существовать годами, пока оно никому не мешает.

— Наш материал уже мешает? — спросил Кирилл.

— Пока вы не закончили проверку, говорить рано. Мне надо идти.

Она отключилась. Кирилл смотрел на стол с пластмассовой веткой. На Земле он всегда считал себя человеком, который знает цену зависимости: аренда, кредит, чужой заказ, от которого нельзя отказаться. Здесь те же слова входили в тело глубже, чем он мог представить.

* * *

Перед уходом Тэс попросил подождать.

Он прошёл к арранке со светлой повязкой, которую они видели у входа. Она уже не держала чаши. Сидела на низкой скамье, поджав передние опоры, и просматривала что-то на маленькой изношенной панели.

Кирилл оставался за стеклом и не слышал разговора. Видел только, как Тэс несколько раз подаётся вперёд, а она не отстраняется, но и не приближается. Потом торговец отдал ей свой носитель. Арранка посмотрела на него, вернула и провела концом пальца по собственной панели.

Тэс шёл обратно медленно.

— Она покупала у тебя первую партию? — спросил Кирилл.

— Нет. Раньше другое. Много лет назад.

Он остановился у лечебной чаши. В тёплом песке теперь лежало совсем маленькое тело, с неровными светлыми краями покрыва. Взрослая арранка, сидевшая рядом, держала в одной руке мягкую чашечку, другой опиралась на бортик. Маленький арран пытался достать до её пальцев и каждый раз промахивался.

Ирра показала, как поднести чашечку ближе. Ребёнок ухватил край обеими передними руками. На мгновение замер, потом самостоятельно подтянул к себе.

Кирилл не понял, была ли это большая удача. По тому, как расслабились взрослые руки на бортике, решил, что была.

Врач повернулась к гостям.

— Ваш новый материал ему не подходит. Не обещайте, если вас спросят. Мы ещё очень мало знаем.

— Я не обещаю, — ответил Кирилл.

— Если попросят, ведите ко мне. Разбираться буду я.

Кирилл кивнул. Ирра уже вернулась к чаше; он посторонился, пропуская помощника с чистым сосудом.

На выходе Тэс заплатил за просмотр своей старой серии и задержался у расчётного места. Кирилл уже собирался пройти дальше, когда услышал сумму. Торговец покупал партию старого корма через лечебницу, по цене выше той, которую получил бы для собственной продажи.

— Зачем? — спросил Кирилл.

Тэс не ответил. Подтвердил платёж, сохранил запись и только после этого повернул к нему обе пары глаз.

— Потом поговорим. У нас до ответа Сиарру осталось меньше половины дня.

Глава 9. Чужой счёт

Тэс не пригласил их в свою каюту. Встретил в грузовом проходе, где над головой медленно двигались цепи пустой платформы, и показал оплату старого корма.

Кирилл не стал брать панель.

— Это твоё дело.

— Пока да. Если будете считать, что я готов ещё раз кредитовать плавку, станет вашим.

Майя стояла чуть в стороне, прислонив сумку с приборами к ноге. В переходе требовался дыхательный контур; под маской её лицо казалось спокойнее, чем было на самом деле. Она то и дело проверяла сообщение из лаборатории.

— Ты купил для той женщины?

— Для её участка и ещё двух. Они ждали часть новой партии. Я взял с них предварительную оплату за подготовку и место в очереди.

— Ты не говорил.

— Это не меняло вашу долю. Я обещал доставку от себя.

Кирилл прошёл до конца прохода и вернулся. Ему хотелось разозлиться на торговца за скрытую сделку, но Тэс не продавал чужую долю и не менял условия производства. Он рисковал своим именем, как Кирилл рисковал мастерской. Только последствия его риска сидели сегодня под грузовой дорогой с пустыми чашами.

— Можно вернуть им деньги.

— Могу вернуть. Из остатка. Но по новой цене купить пищу они уже не могут. Дом поднял разовые продажи после сбоя двух линий. Тем, кто в постоянной связи с домом, не поднял.

— Ты хочешь, чтобы мы теперь оплатили чужой скачок цены?

— Я уже оплатил свою часть. Хочу, чтобы вы перестали считать мой корабль свободным резервом для каждой вашей идеи.

Кирилл прислонился к холодной перегородке. Цепь над головой остановилась, и в наступившей тишине стало слышно, как внутри стены работает циркуляция среды.

— Ты ведь тоже хочешь большой заказ.

— Хочу. Поэтому не продаю вам сейчас билет обратно и не улетаю с обычным грузом.

Майя убрала панель.

— Они выделили старую часть. Две тонны четырёхста. По ней повторное приготовление нормальное.

Кирилл выпрямился.

— Тогда продаём.

— Остальные три шестьсот остаются в исследовании.

— Я услышал.

Он услышал и другое: у них всё ещё было что продать. По дороге в приёмную сначала считал выручку, потом расходы и понял, что чистой прибыли почти не останется. Земной кредит, транспортное окно, новый контроль, ожидание корабля. Но мастерскую продавать не придётся. Ещё можно было выйти с собственной установкой, целыми людьми и очень дорогим опытом.

Сиарр принял их без ожидания.

На этот раз они встретились в помещении дома, где пол имел ровный жёсткий участок для человеческой обуви. Майя заметила это первой, сняла широкие городские накладки и убрала в сумку. Кирилл продолжал неловко переступать, пока Тэс не указал ему на ноги.

— Только подтверждённую часть, — сказал Кирилл, сев у стола. — Остальное пока не продаём.

Сиарр просмотрел новую приёмную запись.

— Цена на эту часть остаётся. Хранение остального теперь оплачиваете отдельно.

— Мы знаем.

— Тогда можно закончить сегодня.

Кирилл ждал попытки надавить. Предложения забрать всё, страшной цифры, угрозы больше не покупать. Сиарр просто подписал покупку, отправил распоряжение и попросил Тэса согласовать время вывоза. От этого было трудно продолжать ненавидеть его тем же удобным способом.

— Вы не спросите, где мы будем разбираться? — сказал Кирилл.

— В лечебнице Ирры. И в общем приборном центре. Мне сообщили, что ваша заявка хочет дополнительную серию за свой счёт.

— Все заявки вам сообщают?

— Те, которые могут повлиять на товар, купленный нашим домом. Вы сами указали связь со своей первой партией.

Майя повернулась к нему:

— Результат первой остаётся прежним. Мы сравниваем следы подготовки.

— Я понимаю. Поэтому купил вашу подтверждённую часть.

Сиарр убрал торговый носитель.

— Когда найдёте причину, приходите снова. Я не заинтересован в том, чтобы вы перестали делать хороший материал.

— Только в том, чтобы мы делали его для вас?

Арран наклонился ближе. Его старый шрам оказался почти на уровне Кириллова плеча.

— Я заинтересован, чтобы пища приходила в срок. Если вы обеспечите это без меня, я стану покупать у вас. Если не обеспечите, вы станете продавать мне то, с чем не справились. Сейчас случилось второе.

Кирилл встал. На твёрдом участке пола городские накладки внезапно проскользнули; он ухватился за край стола, удержав равновесие. Сиарр не пошевелился, только подвинул к нему свободную опору.

Кирилл снял накладку уже в дверях.

* * *

После расчёта Тэс повёз старый корм в нижнюю часть Ийра.

Кирилл предложил нанять отдельную доставку, но торговец отказался. Он хотел сам увидеть, как выдадут продукт. Майя осталась в лаборатории с Нэром; Кирилл поехал с Тэсом, не зная, чем сможет помочь, и раздражаясь на собственную потребность быть полезным там, где его не просили.

Маленький грузовик двигался по наружной дороге. Слева через прозрачную защиту виднелись каркас и тёмные поля пространства; справа шли закрытые объёмы жилья. В некоторых окнах теплился бурый свет. В других были натянуты глухие полотнища, скрывавшие внутренние перегородки.

У выдачного участка Тэс сам проверил пломбы. Работник предложил ему остаться в приёмной, но торговец прошёл к столам, сел и достал список. Кирилл не понимал чужих имён, слышал только, как переводчик аккуратно разделяет их паузами.

Люди подходили по одному или по двое. Многие знали Тэса. Один положил перед ним старую накладную и долго водил пальцем по строкам. Тэс выслушал, взял носитель, исправил запись. Другой отказался получать порцию, пока ему не объяснили, на каких условиях она выдана.

— Без новых смен, — сказал Тэс. — Восстановление предзаказа. Вот его оплата, она уже ваша.

Арран просмотрел подтверждение, только потом подвинул чашу.

Кирилл стоял у стены. Тэс открывал записи об оплате; люди забирали порции и уходили. В сторону Кирилла почти никто не смотрел.

Арранка со светлой повязкой вошла последней. Тэс поднялся. Она положила перед ним узкий носитель, что-то сказала без перевода и показала на Кирилла.

— Она спрашивает, вы и есть тот, кто сделал новый корм, — пояснил Тэс.

— Часть. Не только я.

Арранка посмотрела на него передними глазами. У неё были небольшие тёмные пятна по обе стороны пищевой створки, почти симметричные.

— Когда будет снова?

Кирилл почувствовал на языке готовое «скоро». Оно было бы правдой его намерения. Он уже думал о третьей серии, о новых формах, о том, как быстро можно очистить сырьё и повторить всё в мастерской.

— Пока не знаю, — ответил он. — Мы нашли отличие. Нужно разобраться.

— Мне не нужно отличие. Мне нужно, когда.

Тэс открыл свой список.

— Через двенадцать дней здесь будет старая основа по твоей прежней цене. Это я назначил. Новую не назначаю.

Она долго смотрела на него, потом приняла порцию. Когда ушла, Тэс снова сел. Передние руки лежали у него на столе слишком ровно, словно он боялся шевельнуть ими и показать усталость.

— Двенадцать дней? — спросил Кирилл. — Ты только что купил этот запас.

— Следующий уже заказал.

— На какие деньги?

— На часть места в обратном рейсе. Приборы вместо нашего металла. Жарков согласовал перенос.

Кирилл посмотрел на пустеющие контейнеры. Тэс успел перестроить корабельный груз, оплатить старую еду и сохранить собственных покупателей, пока он сам ходил кругами вокруг сомнительной партии.

— Ты мог сказать мне раньше.

— Мог. А вы могли бы услышать, что я занят своим делом, ещё до того, как оно стало похоже на помощь вам.

Они закончили выдачу вместе. Кириллу дали работу переносить пустые контейнеры на платформу. Их было много, но они почти ничего не весили; он делал по три за раз, пока местный работник не показал, как соединять их замками в одну длинную кассету.

Обратно грузовик шёл быстрее. За прозрачной защитой проплывал город, который Кирилл теперь видел с другого уровня. Наверху светились кухни, где попробовали его первую прибыльную партию. Внизу Тэс покупал время, чтобы сохранить людей, готовых когда-нибудь купить следующую.

На корабле ждало сообщение Майи. Общий центр выделил тёмный остаток. В нём оказалась малая примесь из нового сырья, которая при пищевой подготовке связывала часть нужной структуры в плотные комки. Никакого тайного покрытия и чужой подмены. При конструкционном назначении исходный допуск был добротным.

Кирилл прочёл сообщение дважды. Дождался следующего выделенного земного окна и сам открыл связь с мастерской.

Захар ответил из цеха. За его спиной Никита снимал очередную форму.

— Остановите именно новую сырьевую часть, — сказал Кирилл. — Остальное не смешивать. Сейчас пришло, что нашли.

Он говорил медленно, выдерживая задержку выделенного земного сеанса, не торопясь назвать ни виновного, ни готовый выход. Впервые после жёлтой скобы у него было действие, которое действительно меняло следующую плавку.

Глава 10. Внутренняя сторона

Майя попросила не показывать ей заключение до разборки.

Кирилл нашёл её у Нэра. На низком столе стояли три кассеты, каждая со своей подложкой; в одной лежал старый земной материал, в другой новый, в третьей — остаток после чужой подготовки. Майя устроилась на человеческой опоре, повернув колени вбок, чтобы не задевать стол дыхательным блоком. Нэр работал стоя. Его короткая рука удерживала крепление, вторая вела инструмент.

— Ты же сама прислала результат, — сказал Кирилл.

— Общую часть. Числа ещё не читала. Хочу сначала понять, куда смотреть своим прибором, если чужого центра рядом не будет.

Кирилл поставил рядом контейнер, который принёс из непищевого шлюза. В нём был необработанный кусок той самой сырьевой части. Нэр принял его, сверил номер, положил в четвёртое крепление.

На новом разрезе примесь не давала отдельного пятна. Она тянулась по границам вместе с тем, ради чего арраны вообще покупали сплав. По обычному составу металл оставался в своих пределах. После подготовки едва заметная составляющая собирала вокруг себя плотный слой, и часть основы переставала быть доступной живой ткани.

— Если мы просто исключим этот элемент, — сказал Кирилл, — рисунок может измениться. Он тоже влиял на застывание.

— Значит, получим другой рисунок, — ответила Майя. — Сначала узнаем, где у нас он начинается.

Нэр попросил показать земную запись охлаждения. Смотрел долго, затем развернул шкалу не так, как привык Кирилл: выделил маленький участок между двумя уже отмеченными стадиями.

— Здесь у вас собирается нужное, — сказал он. — Дальше вы делаете его прочнее для детали. Нам это не всегда нужно.

Кирилл наклонился над панелью. Процесс, который он считал неудачной попыткой сделать хороший конструкционный материал, вдруг разделился на две разные задачи. Полезное для пищи состояние возникало раньше, а потом его пытались подчинить чужому требованию — держать нагрузку, не ломаться, быть удобным в креплении.

— Оно рассыплется при выемке, — сказал он.

— Мы всё равно его разбираем.

Майя засмеялась так неожиданно, что маска чуть сдвинулась. Она придержала её ладонью.

— Вот почему ты спрашивал про подготовку, — сказала Нэру. — Нам даже в голову не пришло сделать сразу плохой лист.

— Вы уже сделали плохой лист, — ответил тот. — Я предлагаю не мешать ему быть хорошей едой.

Кирилл провёл пальцем по новому участку. Ускорить всю линию это не обещало. Пригодный материал получался бы более рыхлым, его пришлось бы иначе собирать и паковать, часть оборудования стала бы лишней. Зато можно было отказаться от нескольких конструкционных добавок, которые в пищевой подготовке давали непредсказуемые остатки.

— Нам нужна маленькая печь, — сказал он.

Нэр показал на соседний бокс.

— Там две. Покажу, как задаётся нагрев.

* * *

Первый рыхлый образец они получили к ночи.

Ничего серебристо-прекрасного в нём не осталось. Когда Кирилл снял подложку, узкая заготовка осыпалась по краям, оставив на дне мелкие угловатые частицы. Он машинально подставил вторую ёмкость, собирая то, что ещё недавно назвал бы мусором.

Нэр отделил несколько частиц, подготовил их для дальнейшей пробы. Майя записывала ход земными приборами, стараясь связать чужой процесс с теми измерениями, которые можно было повторить в мастерской.

Ирра вошла, когда они уже стояли над тремя экранами. Посмотрела на рыхлую крошку, на часы работы бокса и спросила, кто из них последний раз ел.

Тэс поднял обе передние руки.

— Я. Недавно. И им приносил.

Кирилл посмотрел на стол у двери. Там действительно стояли два запечатанных человеческих пакета. Он не заметил, когда их оставили.

— Идите в свою нишу, — сказала Ирра. — Ткань от вашего внимания быстрее не работает.

Майя поднялась первой. Кирилл задержался, наблюдая, как Нэр закрепляет новую подложку. Ему хотелось остаться до результата, хотя он знал, что короткое изменение не даст окончательного ответа. Ирра не торопила его. Просто выключила ближайший свободный свет, оставив рабочее поле Нэра, и от этого стало неловко стоять без дела посреди чужой ночи.

В человеческой нише Майя уже открыла еду. Один пакет пах острым овощным соусом, второй оказался почти без запаха. Она пододвинула Кириллу второй и сразу предупредила:

— Я выбрала себе вкусный.

Он попробовал, поменялся с ней одним маленьким куском и решил, что его всё-таки лучше. Майя отказалась возвращать обмен.

За стеклом Тэс и Нэр спорили о сроках. Разговор не переводился, и человеческая ниша вдруг стала тихим отдельным местом, в котором не нужно было немедленно искать прибыль или причину брака. Кирилл опёрся локтями о стол.

— Я хочу делать здесь, — сказал он.

Майя прожевала и посмотрела на него.

— Ты уже считал?

— Нет. Но я устал возить сюда свою ошибку за такие деньги. Здесь её хотя бы видят вовремя. — Кирилл смотрел на неё. — Я хочу завод. Свою большую линию. Не продавать понемногу с Земли тем, у кого уже есть чужой завод.

Она положила на стол пустую обёртку, разгладила пальцем сгиб.

— Тогда потребуется больше людей, чем мы с тобой. И Нэр не будет каждый раз смотреть, как мы догоняем его часть работы.

— Возьмём его.

— У него здесь работа. Я бы для начала попросила несколько смен.

Кирилл откинулся на спинку. Он уже чувствовал, как в голове поднимается новое здание: горячий зал, отдельная лаборатория, длинная площадка готового продукта. В таком здании не приходилось бы краснеть перед соседним арендодателем. Люди приезжали бы к нему сами.

Майя смотрела на него, чуть улыбаясь.

— У тебя сейчас на лице вывеска, — сказала она.

— Большая?

— Ужасно.

* * *

Тэсу новый замысел не понравился сразу.

— На чужом заводе, — сказал он, — вы можете стать не производителем, а дорогой вывеской над чужой печью.

Они сидели в общей переговорной лечебницы. Кирилл наконец увидел заключение по тёмному остатку целиком. В лаборатории уже шли новые сравнительные серии; для переделки задержанного груза требовалась серьёзная очистка, и расход почти съедал разницу между новой пищей и старой. Его нельзя было просто перемолоть и продать под другим названием. Часть металла выгоднее было вернуть в обычную промышленность.

— Я не хочу чужой, — сказал Кирилл. — Хочу наш.

— Тогда у вас должен быть свой ток, свой воздух, свой причал и люди, которые остаются после вашего отлёта.

— Всё сразу не бывает.

— У домов бывает. Они очень любят продавать недостающее по частям.

Майя вывела на общий экран первый вариант новой линии. Вместо длинной цепи узких форм на нём стояли небольшие сборочные модули. Они не делали задачу простой, зато каждый можно было отдельно проверять и останавливать, не смешивая результат со всем выпуском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.